

Зимний берег реки был уныл — голые деревья, пожухлая трава. Динцзы сказал, что сейчас здесь скучновато, зато когда снег ляжет — совсем другое дело.

Сюй Сицзину вдруг в голову стукнуло:

— А здесь рыбу зимой ловят? Ну, как — лунки бурят, сети закидывают?

Динцзы рассмеялся:

— Какая в этой речушке рыбалка? Летом, может, парочку на удочку поймает.

Сюй Сицзин разочарованно вздохнул. Динцзы пообещал:

— Если так интересно — когда похолодает, свожу на озеро Чаган. Там настоящая зимняя рыбалка.

По дороге Динцзы рассказывал забавные случаи из своих фотоэкспедиций. Сюй Сицзин, как полный профан, задавал наивные вопросы, над которыми Динцзы от души потешался.

Сюй Сицзин вздохнул:

— Дальше всего я уезжал учиться в Америку. Сбежал, как от чумы. Не прошло и двух месяцев — скаут заметил. Хотел скрыть, что в стажёры подался — там же полная изоляция. Думал, несколько месяцев не найдёт — отстанет. Не вышло.

Динцзы ненадолго замолчал, потом мягко сказал:

— Ты ещё молод. Впереди целая жизнь. Не надо всё видеть в чёрном свете.

Они прошли вдоль реки изрядно, повернули назад. Не успели и половины пути отмахать, как у Динцзы зазвонил телефон. Он глянул на экран, слегка опешил, но взял трубку:

— Старина Цинь, что такое?

Сюй Сицзин мгновенно напрягся, замер на месте. Динцзы тоже остановился:

— К нам хочешь приехать?

Сюй Сицзин дёрнул его за полу куртки. Динцзы кивнул:

— Эй, не стоит! Мы уже собираемся назад.

Но слова не возымели действия. Динцзы положил трубку, развёл руками:

— Говорит, уже в пути.

Через мгновение он вдруг спохватился:

— Стоп. Я же адрес не давал. Откуда он знает, где мы? Тебе жучка подсадил?

Сюй Сицзин опешил. За собой слежки он не замечал. Динцзы протянул руку:

— Дай телефон, гляну.

Сюй Сицзин стиснул аппарат в кармане:

— Ладно. Если поставил — пусть. Удалять — только лишние проблемы.

Динцзы покачал головой, раздосадованный. Весёлая атмосфера испарилась. У самого входа во двор он окликнул Сюй Сицзина:

— В ваши отношения лезть не хочу. Хотя и не считаю, что подкапываюсь. Но и катализатором ваших разборок быть не желаю. Твои дела с ним — тебе решать. Мои с тобой — я буду продвигать.

Сюй Сицзин не ответил. Зимой темнело рано. Сумерки сгущались, а он не шёл в дом, снова усевшись на табуретку во дворе.

Летом здесь был виноградник. Сейчас — голые плети, укрытые в земле. Под оголёнными шестами сидел безмолвный Сюй Сицзин.

Вскоре приехал Цинь Цзэюань. Без водителя, за рулём сам. Темнота уже сгустилась, в глухоту фонарей не было. Цинь Цзэюань шёл, спотыкаясь о кочки. Сюй Сицзин пошёл навстречу.

Цинь Цзэюань увидел бегущую тень. Приблизившись, обнял Сюй Сицзина:

— Всё ждал?

Тот кивнул. Цинь Цзэюань обнял его за талию, повёл к дому. Динцзы стоял на пороге:

— Темно уже, ехать обратно — морока. Остаёмся на ночь. Цинь Цзэюань согласился.

В доме топилась печь, было тепло. Цинь Цзэюань взял руки Сюй Сицзина, прижал к тёплой поверхности:

— Согрейся. На улице продрог.

Пальцы покраснели, опухли от холода. Цинь Цзэюань растирал их, спрашивая:

— Ещё зябнешь?

Сюй Сицзин не успел ответить. Динцзы вытащил из золы два печёных батата, протянул ему:

— Держи. И греют, и съесть можно. Заложил заранее, только сейчас допеклись.

Цинь Цзэюань взглянул на Динцзы, потом на Сюй Сицзина. Взял бататы, сдул пепел, вложил в руки Сюй Сицзину.

Раз решили остаться, Динцзы отправился на кухню — из остатков обеда сообразить ужин. Цинь Цзэюань велел Сюй Сицзину сидеть, бататы доедать, а сам прислонился к косяку кухонной двери, наблюдая за Динцзы.

Тот обернулся, усмехнулся:

— Чего не сидишь?

— Скучно просто сидеть. Посмотрю, как управляешься.

Динцзы выудил из шкафа несколько бутылок, потряс ими:

— Позже пропустим?

— Да, пропустим. — Цинь Цзэюань кивнул. — Ты пока занимайся, я к Сяо Цзину.

Динцзы сдержался, но когда Цинь Цзэюань уже поворачивался, не выдержал:

— Он же не трёхлетка. Не надо так тотально контролировать.

Цинь Цзэюань, не оборачиваясь, бросил:

— Не проконтролирую — другие присмотрят.

Сюй Сицзин уплетал горячие бататы, щёки покраснелись. Цинь Цзэюань вытер ему сажу с лица:

— Взрослый уже, а всё как ребёнок — измазался.

Сюй Сицзин не смел отодвинуться, сидел смирно. Цинь Цзэюань, закончив утирать, сел рядом. Помолчал, колеблясь. Сюй Сицзин никогда не видел его в нерешительности — стало любопытно.

— Прошное... — начал наконец Цинь Цзэюань. — Знаю, ты затаил обиду. Хотя и не показываешь. Но я тебя вырастил — твои мысли читаю.

Он начал так проникновенно, что Сюй Сицзин испугался, заторопился:

— Нет... я не обижаюсь, господин.

Цинь Цзэюань взял его руку, сжал:

— Не надо притворяться. Обещал — буду о тебе заботиться. Будешь слушаться — ничего подобного не повторится.

Пальцы Сюй Сицзина дёрнулись, но хватка стала ещё крепче. Он спросил:

— Господин хочет загладить вину?

Цинь Цзэюань подумал:

— Можно и так сказать.

Сюй Сицзин положил свою свободную руку сверху, стараясь выглядеть искренним:

— Я не обижаюсь. Но если настаиваете... Раньше все мои сцены снимал дублёр. Может, поможете ему с работой? В знак благодарности.

Выпить Сюй Сицзин не умел, но Цинь Цзэюань с Динцзы, словно сговорившись, подливали ему. Вскоре он опьянел, свалился на диван. Цинь Цзэюань отнёс его в спальню, уложил. Динцзы достал из шкафа свежее одеяло, укрыл. Закрыв дверь, они вернулись к столу.

Динцзы первым поднял рюмку:

— Уехал рано, не застал, как ты, старина Цинь, благодетельством занялся — парня приютил.

Цинь Цзэюань тоже поднял:

— Теперь видел. И, кажется, впечатлён.

Динцзы усмехнулся:

— Сам не ценишь, другим не даёшь. Деспот.

— Кто сказал, что не ценю? — Цинь Цзэюань тоже улыбнулся. Любил ли он Сюй Сицзина? Конечно. Но любовь эта была какой-то... неполной. Не жаркой, не нежной. Больше походила на чувство собственности.

Динцзы не стал ходить вокруг да около, налил ещё:

— Ты всегда был высокомерным, старина. Скажи честно: для тебя он кто? Питомец? Или человек — со своим умом и свободой?

— Я его вырастил. Как с ним обращаться — мне решать. Вреда не причиню. А ты... Ты его несколько дней знаешь. Уже адвокатом играешь. Ты его понимаешь?

Динцзы холодно фыркнул:

— А разве уже не причинил? Ты даже не представляешь, как он работу любит. Или представляешь — и бьёшь точно в больное.

— Сяо Цзин всё это тебе рассказал? — Цинь Цзэюань прищурился. — Видно, доверяет.

<http://bllate.org/book/16267/1463809>